

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14, вып. 3 (55). С. 239–249

Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2025, vol. 14, iss. 3 (55), pp. 239–249

<https://akmepsy.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-3-239-249>

EDN: QCFAGL

Научная статья
УДК 316.6:159.9

Социальное пространство войны в психологическом фокусе победы

Е. В. Рягузова , Т. И. Черняева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

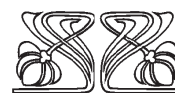
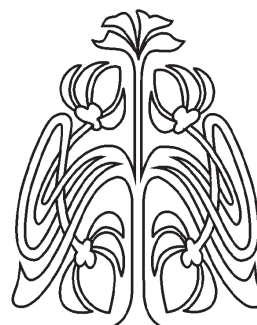
Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Черняева Татьяна Ивановна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, tatcher@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4559-9179>

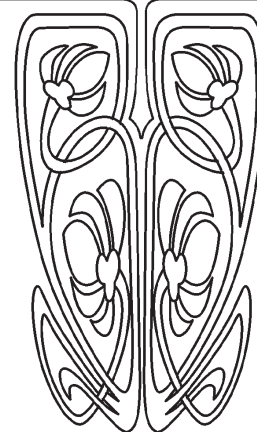
Аннотация. Актуальность исследования обусловлена запросом общества на сохранение и поддержание российской идентичности. При этом критично важно осмысливать исторические уроки войны, выстраивать линию от настоящего к прошлому и будущему, закреплять и транслировать культурные коды победы. *Цель:* выполнить компаративный анализ социальных представлений студенческой молодежи о войне и победе, определить смысловые поля войны и победы. *Гипотеза:* существует дифференциация социальных представлений студенческой молодежи о войне и победе и отрефлексированных представлений о войне и победе их родителей и прародителей, свидетельствующая о многослойности смысловых полей коллективной памяти. *Участники:* студенты ($N = 52$) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (г. Саратов); в возрасте от 20 до 22 лет ($M = 21,48$; $SD = 1,12$), 88,5% – девушки. *Методы (инструменты):* опрос, включающий социально-демографический и социально-психологический блоки; контент-анализ и прототипический анализ П. Вержеса. *Результаты:* описаны структурные составляющие представлений о войне и победе в рамках ретроспективной рефлексии и выявлены их смысловые поля. Показана высокая значимость эмоционального компонента, личностных и ценностных составляющих, а также регуляторных практик. Обнаружено, что выраженность личностного компонента в представлениях о войне снижается от прародителей к потомкам, а в представлениях о победе растет. *Выводы:* выявлена высокая согласованность представлений о войне и победе с позиций трех поколений: война позиционируется как катастрофический режим человеческого существования, а победа – как триггер мощных эмоциональных переживаний и надежд на будущее. Утверждается, что наличие дифференциации в отрефлексированных представлениях о войне и победе свидетельствует о многослойности смысловых полей коллективной памяти. *Практическая значимость* определяется тем, что представленные результаты могут использоваться при разработке программ по укреплению гражданской позиции и позитивной социальной идентичности студенческой молодежи.

Ключевые слова: война, победа, социальные представления, коллективная память, культурные коды, смысловые поля

Информация о вкладе каждого автора. Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Рыгузова Е. В., Черняева Т. И. Социальное пространство войны в психологическом фокусе победы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14, вып. 3 (55). С. 239–249. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-3-239-249>, EDN: QCFAGL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social space of the war in the psychological focus of the victory

E. V. Ryaguzova , T. I. Chernyaeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Tatiana I. Chernyaeva, tatcher@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4559-9179>

Abstract. *The relevance of the research* is determined by the society's need to preserve and maintain Russian identity. It is crucial to understand the historical lessons of the war, to build a bridge between the present, the past, and the future, and to consolidate and broadcast the cultural codes of the victory. *Purpose:* to conduct a comparative analysis of the university student's social perceptions of the war and victory, and to identify the semantic domains of the war and the victory. *Hypothesis:* there is a differentiation between students' social ideas about the war and the victory and the introspected ideas of their parents and grandparents about these phenomena, which indicates the multilayer semantic domains of the collective memory. *Participants:* students (N = 52) of Saratov State University (Saratov); aged from 20 to 22 (M = 21.48; SD = 1.12), 88.5% of them being females. *Methods (tools):* to collect the data, a survey consisting of socio-demographic and socio-psychological blocks was conducted; the data analysis included content analysis and prototype analysis by P. Verges. *Results:* the structural components of the perceptions of the war and the victory have been described through retrospective reflection, and their semantic domains have been identified. Emotional, personal, and value aspects were emphasized, as well as normative practices. The study proves that the expression of the personal aspect in perceptions of the war decreases from grandparents to descendants, while in the perceptions of the victory it increases. *Conclusions:* the study reveals a high consistency of ideas about the war and the victory from the perspective of three generations: the war is positioned as a catastrophic mode of human existence, while the victory is viewed as a trigger of powerful emotions and hope for the future. The revealed differentiation in the introspected ideas about the war and the victory indicates the multilayer semantic domains of the collective memory. *Practical significance* lies in the potential use of the findings in the development of programs for strengthening the university students' civic engagement and positive social identities.

Keywords: war, victory, social ideas, collective memory, cultural codes, semantic domains

Information on the authors' contribution. All the authors have made an equivalent contribution to the preparation of the paper. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Ryaguzova E. V., Chernyaeva T. I. Social space of the war in the psychological focus of the victory. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2025, vol. 14, iss. 3 (55), pp. 239–249 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-3-239-249>, EDN: QCFAGL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Историки утверждают, что война представляет собой постоянную и неотъемлемую часть человеческой цивилизации (В. П. Трут [1]), выступая эволюционной загадкой, связанной с групповым культурным отбором (М. R. Zefferman, S. Mathew [2]). В настоящее время, пройдя уже четверть 21 века, мы являемся свидетелями войн и вооруженных конфликтов на Украине и Палестине, Сирии и Йемене, гражданской войны в Мьянме, противостоянии вокруг Тайваня, нестабильности Гаити и Афганистана. По данным Совета по международным отношениям, в мире насчитывается 32 действующих конфликта, в которые втянуты 2 миллиарда человек¹. Войны рано или поздно заканчиваются

победой (вопрос чьей и какой ценой), а память о них хранится и транслируется последующим поколениям, не только напоминая о прошлом, но и присутствуя в настоящем.

Традиционно считалось, что прошлое определяет настоящее и задает вектор развития будущего, однако, сейчас доминирует другая точка зрения, представленная П. Нора и нами полностью разделяемая, согласно которой настоящее форматирует прошлое и управляет будущим [3].

Начиная с работ М. Хальбвакса [4], J. Assmann [5] и А. Ассман [6] общепринятой признается существенная роль коллективной памяти в управлении прошлым, которая в отличие от исторической памяти призвана не столько фиксировать реально произошедшие события и факты, сохранять и транслировать память о них, сколько их реконструировать и интерпретировать в рамках коллективно разделяемого содержания и смысла, в оптике интересов и

¹ 13 Heartbreaking Facts About Ongoing Conflicts Around the World // Global Citizen : [сайт]. URL: <https://www.tpsearchtool.com/web/13-facts-about-conflicts> (дата обращения: 24.02.2025).

ценностей существующей в настоящем коллективной общности, которая, как справедливо отмечает Т. П. Емельянова, выступает ее субъектом [7]. Онтологическую основу коллективной памяти составляют социальные представления, изучению которых посвящено достаточно много междисциплинарных исследований. Перечислим некоторые, имеющие непосредственное отношение к интересующей нас теме.

Т. П. Емельянова акцентирует внимание на процессуальной стороне коллективной памяти об исторических деятелях и значимых событиях отечественной истории, ее уровневой структуре, и выявляет общее и различное в содержании социальных представлений разных поколений россиян [8]. В. А. Баранова и А. И. Донцов изучают представление о травмирующих событиях XX века и их отражении в воспоминаниях двух поколений (детей войны и их детей), выявляя групповую поколенческую специфику отношения к прошлому [9]. А. Н. Неврюев и И. Р. Сариева представляют подробный обзор исследований отношения к войне у представителей разных стран и выявляют индивидуально-психологические и социально-психологические корреляты позитивного и негативного отношения к войне [10]. В. М. Филиппов с соавторами [11] проводят межпоколенческий срез (студенты и их родители) представлений о Великой Отечественной войне в трех странах – России, Беларуси, Украины и фиксируют их динамику. Исследование О. А. Рябошлык, опирающееся на анализ ассоциаций россиян о Второй мировой войне, позволяет выявить неоднородность структуры коллективной памяти [12].

Целью исследования, представленного в статье, выступает компаративный анализ социальных представлений студенческой молодежи о войне и победе и определение смысловых полей войны и победы.

Гипотеза: существует дифференциация социальных представлений студенческой молодежи о войне и победе и отрефлексированных представлений о войне и победе родителей и прародителей, свидетельствующая о многослойности смысловых полей коллективной памяти.

Новизна исследования заключается в предложении оригинальной исследовательской оптики анализа проблематики памяти о войне и победе, в рамках которой выявляются, обсуждаются и интерпретируются различия в

воображаемых коллективных идентификациях в контексте ретроспективной рефлексии представлений двух поколений родственников, т.е. в центре внимания находятся не межпоколенческие различия в представлениях о войне и победе, а их дифференциация на основе неоднородности смысловых полей.

Теоретическая значимость определяется углублением научных знаний в области социальной психологии относительно коллективной памяти и ее смысловых полей, межпоколенческой трансмиссии опыта и переживаний, ретроспекции социальных представлений Другого.

Представления студенческой молодежи о войне и победе

Материалы. Участники: студенты ($N = 52$) СГУ им. Н. Г. Чернышевского (Саратов) в возрасте от 19 до 25 лет ($M = 21,18$; $SD = 1,12$), 88,5% – девушки.

Методики: для сбора данных – опрос, включающий 13 вопросов, из них часть касается социально-демографического статуса (пол, возраст, семейное положение, город рождения и проживания), а часть носит исследовательский характер, включая в себя незаконченные предложения (например, «Для меня война / победа – это...», «Для моих родителей война / победа – это...», «Для моих бабушек и дедушек война / победа – это...»), ассоциативный ряд к понятию «победа», вопросы, связанные с коммуникативной памятью и коммеморативными практиками («Есть или были родственники, принимавшие участие в военных операциях?» «Говорили ли вы с ними или другими родственниками о войне?» «Говорили ли вы с ними о победе?» «Посещали ли вы со своими родственниками места военной памяти?»).

Методы анализа данных. Контент-анализ с последующей реализацией метода прототипического анализа Р. Vergès [13]. Эмпирические данные фиксировались в сводных таблицах программы Microsoft Excel. Обработка данных осуществлялась посредством статистического пакета программ SPSS 23.

Результаты и их обсуждение

Проведенный контент-анализ позволяет сконструировать аналитическую рамку для интерпретации субъективных представлений о войне и победе участников исследования и

рефлексивных суждений о войне и победе их родителей и прародителей, а также количественно описать содержание исследуемых конструктов, включающее эмоциональный, ценностный,

личностный, регулятивный, событийный контент. Примеры эмпирических референтов содержательных составляющих полученных репрезентаций представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Эмпирические референты (единицы текста) в соответствии с исследовательской рамкой (N = 52)
Empirical referents (text units) according to the research framework (N = 52)

Контент	Суждение	
	Война – это	Победа – это
Эмоциональный	Страх, ужас, отчаяние, гнев	Радость, облегчение, надежда, гордость, спокойствие, смятение, скорбь
Ценностный	Зло, выживание, расхождение интересов, несправедливость, потеря смысла, опасность, долг перед Родиной, солидарность	Свобода, счастье, солидарность, жизнь, мир, безопасность, сохранение традиций
Личностный	Героизм, отвага, доблесть, сила духа	Самоотверженность, сила, стрессоустойчивость, вера в себя и близких, отвага, стойкость духа, патриотизм, благодарность
Регулятивный	Делать все, чтоб ничего не привело к такому исходу, неумение найти компромисс ведущими деятелями государства, борьба за ценности, создание нового будущего	Преодоление всех препятствий упорно и терпеливо, создание нового будущего, новые возможности, еще один «шанс» построить мир, прекращение страданий и разрушений
Событийный	Историческое событие трагическое событие, катастрофа, страшное время, кровопролитие	Праздник, событие, решающее жизни многих людей, конец плохих времен, объявление мира, событие, о котором нужно помнить, нельзя забывать, нужно говорить, благодарить, передавать через поколения

Согласно приведенным данным (см. табл. 1), можно утверждать, что существуют достаточно однородные и ожидаемые смысловые фреймы указанных понятий, в рамках которых война позиционируется как экстремальный, трагический, катастрофический режим человеческого существования, сопряженный с многочисленными смертями, горем, болью, разломами и сломами человеческих жизней, сопровождающийся тотальными разрушениями, уничтожением городов и культурных ценностей, страданиями большого количества людей. Контент-анализ представлений о войне выявляет центральные темы: смерть как антоним жизни, зло как оппозиция добру, страх как реакция на опасность, кровопролитие как массовое уничтожение людей, бессмысленность как алогичность происходящего. Полученные данные согласуются с анализом репрезентаций концепта «война» как безусловного и тотального зла, проведенным И. В. Ерофеевой [14].

Ключевые фреймы представлений о победе могут быть репрезентированы следующими ядерными темами: радость, гордость, счастье, свобода, праздник, преодоление, прекращение, восстановление.

Обратим внимание на значимое пересечение смысловых полей войны и победы, оно касается личностных качеств, которые атрибутируются и воюющим, и победителям: героизм, отвага, доблесть, сила и стойкость духа, самоотверженность, самопожертвование, патриотизм. Абстрагируясь от некоторых смысловых демаркаций перечисленных понятий, выделим обобщенную референцию – героизм как инвариантную характеристику воинов-участников и воинов-победителей. Героизму на войне посвящено достаточно много работ: В. Riches определяет его как специфическую форму альтруистического поведения, рискованные действия, совершаемые ради блага людей [15]. О. К. Шевченко, М. А. Подлесная предлагают рассматривать героизм как качество и

результат действий, вернее поступков, подвигов, порождающих эмерджентный каскадный эффект [16]. Согласно данным Т. А. Гореловой, О. О. Хлопониной, героизм интерпретируется как ценностный потенциал эпохи [17]. М. П. Селезнева предлагает рассматривать героизм как духовную составляющую общества [18]. Именно героизм как компонент представлений и о войне, и о победе включается в коллективную память, передается от поколения

к поколению, сохраняет групповую идентичность, способствует позитивной групповой оценке и определяет вектор развития общества.

Проанализируем структуру социальных представлений о победе, опираясь на прототипический анализ Р. Vergès, позволяющий на основе таких индикаторов как частота и ранг представленных ассоциаций, выявить ядро, области потенциальных изменений и периферию (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Структура социального представления о победе (N = 52)
Structure of Social Representation of Victory (N = 52)

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	Менее 2,5	Более или равно 2,5
Больше 10	Ядро радость (30; 2,4), мир (27; 2,4), свобода (12; 2), облегчение (11; 2,2)	2-я область потенциальных изменений гордость (15; 3,4), сила (15; 2,6), счастье (13; 2,8), слезы (10; 3,3), праздник (13; 4,6), память (11; 3,1)
Менее или равно 10	1-я область потенциальных изменений жизнь (5; 2,25), потери (10; 2,1), возвращение (3; 2,3)	Периферия Спокойствие (8; 2,5), освобождение (6; 3), справедливость (3; 3), начало нового (5; 3,6)

Данные прототипического анализа подтверждают результаты контент-анализа и расширяют концептуальное поле понятия «победа» за счет усиления таких дескрипций как потери, возвращение и начало нового, память. Указанные ассоциации отражают наличие ментальной связи с понятием победа и позволяют выявить важный вектор смысловой реконструкции, а именно интерпретацию победы как трансгрессивного моста.

По мнению З. Фрейда, любая война позиционируется в качестве психопатологического явления и коллективного психоза [19], сопряженного с трансгрессией – выходом за границы существующего порядка и возникновением чувства вины. Экстремальный опыт войны – это трансгрессивный опыт, который возникает, как считают М. Фуко [20], Ж. Батай [21], при пересечении, осознанном пре/пере/заступлении границ дозволенного, их нарушении и переходе в пограничные ситуации, функционировании на пределе возможного и невозможного, где невозможное понимается как онтологическая модальность бытия, внутренний опыт обращения к пределам существующих ценностных стандартов. Победа в войне может позиционироваться как переход от смерти к жизни, символизирующий выход

из экстремальности коллективного функционирования в новый режим восстановления, созидания и преодоления.

Структура социального представления о победе указывает на многослойность его понимания. В этом контексте заслуживает внимания точка зрения J. B. Bartholomees, согласно которой победа – это не бинарный антипод поражения, хотя и выступающий его противоположностью, победа не сам факт, а его оценка, зависящая в значительной степени от достижения поставленных целей и возможности дальнейших перспектив развития [22]. Стратегическая победа в войне – безусловная и однозначная оценка политических результатов, фактически подтвержденных, достижение мира и возвращение к нормальной жизни, а вот психологические результаты победы в войне помимо пиковых эмоциональных переживаний, радости до слез, гордости, всеобщего ликования и единения сопряжены с трагическим осознанием потерь и чувством вины, этическим должествованием каждого, с отчуждением войны как организованного насилия и осознанным принятием состояния мира, поиском своего места в обществе в статусе не только выжившего, но и живущего. Как пишет М. Shani с соавторами, победа психологически связана с надеждой на

мир, выступающей перспективной ориентацией, имеющей мотивационное значение и побуждающей людей стремиться к будущим целям. Интересно, что авторы дифференцируют надежду на победу и надежду на мир с точки зрения достижения групповых целей и интересов, желаний и ожиданий, стратегий и механизмов [23]. Если надежда на победу детерминирована желанием одержать верх над противником, она мотивирует и вдохновляет, но в то же время дегуманизирует и делегитимизирует противника, характеризуется снижением эмпатии и большей склонности к рационализации неэтичных действий, сосредоточенностью на доминировании и достижении конкретных целей с помощью агрессии и насилия. Когда право на насилие трактуется как сила правого, то надежда на мир подразумевает примирительные и компромиссные стратегии, стремление к разрешению, гармонии и прекращению конфликта и делает акцент на диалоге, понимании, создании условий, способствующих дальнейшему сосуществованию.

Что касается памяти, в частности коммуникативной памяти, определяемой М. Хальбваксом [4] как разновидность коллективной памяти, которая формируется в ходе межличностной коммуникации с ближайшим кругом общения и сохраняет модус личного воспоминания, то целый блок вопросов анкеты был посвящен именно этому виду коллективной памяти.

Обобщенные данные свидетельствуют о том, что у большинства респондентов (47 человек) есть родственники, принимавшие участие в боевых действиях, что подтверждает отечественный характер Великой Отечественной войны, предполагающий защиту отечества всем народом, а также тезис о практически непрерывном участии российских военных в различных горячих точках. Большинство участников опроса сообщают о разговорах в семье о войне и победе, причем разговоров о войне больше, чем о победе, что мы связываем не только с воспоминаниями о прошлых войнах и победах, но и со специальной военной операцией, имеющей место «здесь-и-сейчас». Вклад в семейную коммуникативную память вносят посещения мемориалов, музеев, парков, парадов, на которые указали все респонденты, поскольку через коммеморативные практики, представляющие собой одномоментную презентацию прошлого и его репрезентацию в настоящем, происходит управление прошлым, сохранение

тотальной важности в общественном сознании его значимых событий, трансляция через механизмы коллективной памяти последующим поколениям, укрепление позитивной социальной идентичности представителей общества, их интеграция и консолидация в Мы-общность, генерация универсальных значений и смыслов.

Компаративный анализ представлений студенческой молодежи о войне и победе в рамках ретроспективной рефлексии

Результаты сравнительного рефлексивного анализа социальных представлений студенческой молодежи о войне и победе представлен на рис. 1, 2. Проанализируем полученные данные и сравним их с результатами исследований, направленных на анализ представлений о войне и победе у представителей разных поколений россиян.

Компонентный состав представлений о войне в рамках ретроспективной рефлексии отражает коммеморативные линии согласия и фиксированные различия в представлениях о войне, сформированных с разных поколенческих позиций (см. рис. 1). Наибольшая устойчивость наблюдается в эмоциональном компоненте. Война ассоциируется с мощными негативными переживаниями, раскрывается как коллективная травма: «страх, отчаяние, боль, потеря»; «боль, смерть, разрушения, насилие, страх»; «страшные события, смерть, ужас»; «ужас и ад на Земле, которые люди решили устроить сами, это самая страшная проблема». Понимание войны как инструмента биополитики по М. Фуко, направленного на установление пределов жизни и смерти, предполагает погружение в переживания лиминального свойства, осознание фатальной конечности человеческой жизни [24].

Наибольшие различия в представлениях о войне касаются личностной составляющей. Суждения, сделанные с позиции прародителей, наделяются конкретными ситуациями потерь, жизненных ограничений и испытаний, а также жизнестойкости и героизма: «для бабушки война это голод, холод (ели картофельные очистки, варили их)»; «то что было не по рассказам, боль, которую страшатся, тяжелое детство, потеря родных и близких»; «часть их прошлого, боль и потери близких и знакомых, грязь, голод и смерть, молчание». Отметим, что респонденты отмечают некоторую недоговоренность, а иногда и нежелание вспоминать войну

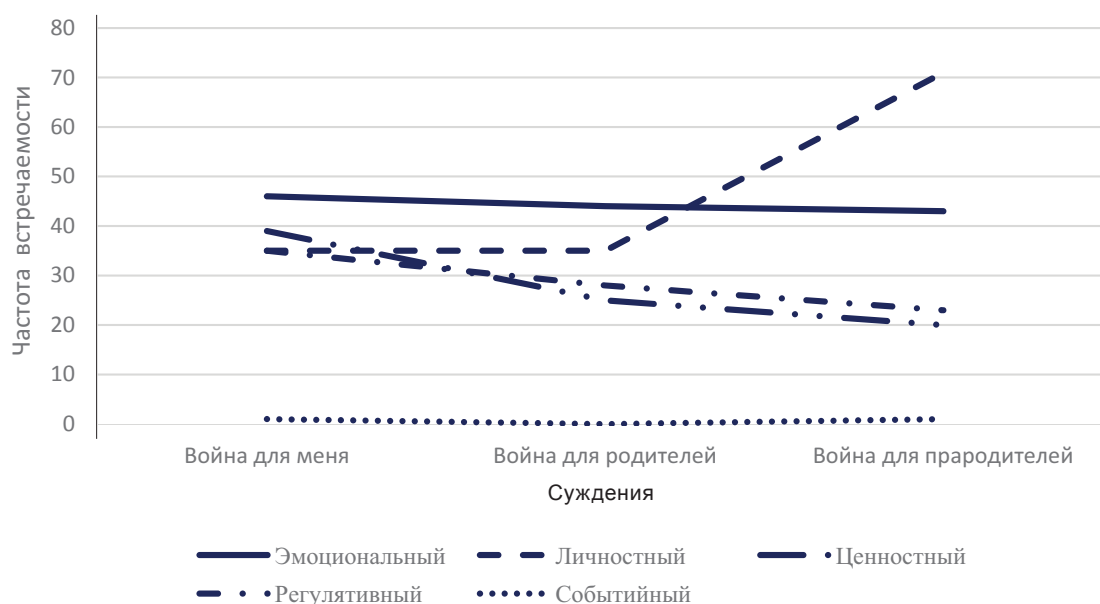

Рис. 1. Компонентный состав представлений студенческой молодежи о войне в рамках ретроспективной рефлексии

Fig. 1. Component composition of representations student youth's about war within the framework of retrospective reflection

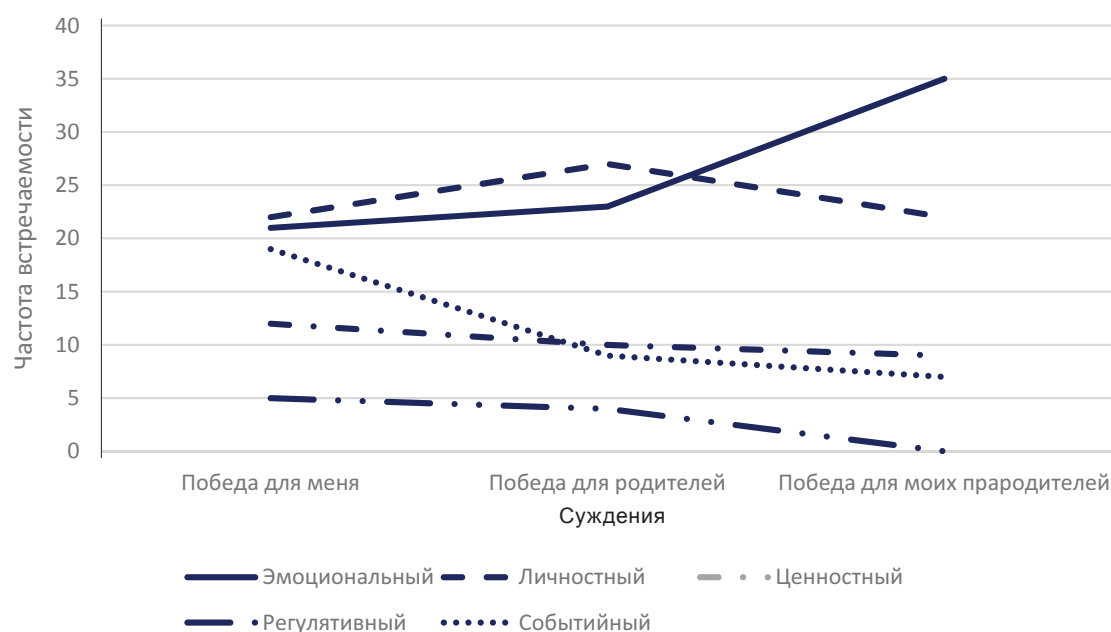

Рис. 2. Компонентный состав представлений студенческой молодежи о победе в рамках ретроспективной рефлексии

Fig. 2. Component composition of representations student youth's about victory within the framework of retrospective reflection

представителями старших поколений: «для бабушек и дедушек – огромная рана, скорбь, боль», «мой прадедушка воевал, дошел до Берлина, но никогда об этом не рассказывал, даже если просили». Это может свидетельствовать о работе социального / психологического вытеснения, ограничивающего доступ к болезненным воспоминаниям.

В представлениях молодежи от поколения к поколению повышается значимость как ценностного, так и регулятивного компонентов: «то, что не должно происходить в современном мире, когда нужно решать вопросы цивилизованно»; «несправедливость, которую люди решили устроить сами», «это беззаконие, бесчеловечность, и это противоестественно».

Во многом это связано с дискурсивными практиками, формируемыми в медийном поле.

Война в ее событийном формате представлена всего в двух суждениях, сделанных с прародительских позиций, соответственно, для молодежи военные события – битвы, поражения, победы – входят в память как эмоционально окрашенное синкретическое целое и значимо не дифференцируются.

Как показывают приведенные данные, можно констатировать, что трагический дискурс войны сменяется гордостью за победу на фоне снижения эмоциональной насыщенности переживаний победы при сохранении их позитивной валентности для самих респондентов в отличие от той эмоциональной оценки, которую они приписывают родителям и тем более прародителям. Полученный результат сопоставим с выводами, сформулированными А. М. Рикель с соавторами, выявленными при исследовании межпоколенческих эмоциональных переживаний и коллективной памяти о разных войнах [25]. Согласно их данным, коллективная память поколения прародителей сформировалась при непосредственных контактах с участниками и свидетелями войны, а также с помощью коммеморативных мероприятий и институционального нарратива власти и СМИ, порождая атрибуцию более сильных чувств и переживаний этому поколению.

Приведенные результаты компаративного анализа указывают на сохранение высоких значений регулятивного компонента представлений о победе с возрастанием ценностного компонента у поколения респондентов.

Необходимо отметить некоторое рассогласование наших результатов с данными, полученными Т. П. Емельяновой и А. В. Мишариной, согласно которым при общей позитивной оценке, например, значимости парада Победы для формирования чувства причастности и единения всеми исследуемыми социальными группами (неработающие пенсионеры, работающие взрослые, студенты), представления о параде старшей возрастной группой является более гомогенным и согласованным, чем неоднозначные, а иногда и амбивалентные представления некоторой части студенческой молодежи об этом важном событии [26]. На наш взгляд, выявленное рассогласование объясняется различающимися исследовательскими аналитическими оптиками, оперирующими

разными эмпирическими референтами, а также отличиями (разницей) в социокультурном и политическом контекстах.

Еще одна выявленная при сравнении тенденция касается усиления героического дискурса у респондентов, выражающаяся в существенном возрастании роли личностных качеств при характеристике победы. Студенты, участвующие в исследовании, чаще и больше приписывают себе понимание победы как проявления героизма по сравнению с родителями и прародителями, что подчеркивает важность темпорального компонента в восприятии и осмыслении героизма, на что указывает О. А. Джумайло [27], а также значимость актуализации благодарности как признательности за возможность жить и строить будущее, благодарности как социальной ценности, нравственной опоры, связанной с жизненными целями и этическими стандартами. Получается, что героизм как репрезентация коллективной памяти имеет не только поколенческую специфику, как это показано в исследовании М. А. Подлесной с соавторами [28], но и межпоколенческую многослойность в рамках представлений о войне и победе одного поколения.

Существенная доля событийного компонента в представлениях респондентов о победе интерпретируется нами, исходя из понимания коллективной памяти, описанного ранее Е. В. Рягузовой [29], как многомерной и объемной ценностно-смысловой матрицы, характеризующейся особым хронотопом с временными модусами прошлого, настоящего и будущего, отличающейся групповыми коннотациями, открытостью, подвижностью, наличием освещенных и темных зон, неоднородностью, избирательностью и др., выполняющей функцию не столько фиксации и удержания прошлого, сколько сохранения в настоящем коллективной общности и трансляции культурного кода, значимого для ее единства. Безусловно, увеличение исторической дистанции от той или иной победы до настоящего момента может приводить к переформатированию ее символического значения, перекодировки смыслов и сужению до символической констатации триумфального факта прошлого. Отметим, что иногда (особенно в период юбилейных годовщин и праздничных мероприятий) раскрываются новые факты (через обнаружение ранее неизвестных исторических документов, публикацию мемуаров, рассекречивание ар-

хивов), создание литературных произведений, кинофильмов и разного рода медиаконтентов как медиаторов исторической памяти, предлагающих другие интерпретации исторических побед и их значимости, персонифицированных и неоднозначных исторических деятелей и их роли в той или иной победе. Кроме того, важен еще и актуальный социокультурный и политический контекст – сегодняшние реалии, связанные не только с годовщиной Великой Победы, но и с надеждой на новую победу и устойчивый мир.

Заключение

Коллективная память как многомерная и объемная ценностно-смысловая матрица, включающая временные модусы прошлого, настоящего и будущего, объединяющая групповые коннотации, не столько фиксирует и удерживает прошлое, сколько сохраняет и транслирует культурный код национальной идентичности. Коллективная память о войне в фокусе свершившейся победы является ключевым основанием общенациональной российской идентичности.

Исследование представлений молодежи о войне и победе, выполненных с позиций трех поколений, показало высокую согласованность репрезентаций войны как катастрофического режима человеческого существования, отягощенного многочисленными смертями, горем, болью, разломами и сломами человеческих жизней, страданиями большого количества людей, и в тоже время выявило наличие их дифференциации, свидетельствующей о многослойности смысловых полей коллективной памяти.

Ключевые фреймы представлений о победе раскрываются через мощные эмоциональные переживания, личностные и ценностные составляющие, регуляторные практики. Это – радость, гордость, счастье, свобода, праздник, преодоление, прекращение, восстановление. Выраженность личностного компонента в представлениях о войне снижается от прародителей к потомкам, а в представлениях о победе растет. Здесь, безусловно, сказывается то, что исследование проведено в год 80-летия Победы, когда в медийном поле активно формируются дискурсы войны и победы, задающие режимы коммеморативных практик.

Коммеморативные практики, извлекая прошлое и погружая его в настоящее, позволяют управлять прошлым, сохранять в общественном сознании его значимые события и транслиро-

вать их через механизмы коллективной памяти последующим поколениям – уже в будущее. Благодаря им укрепляется гражданская позиция и позитивная социальная идентичность представителей общества, их интеграция и консолидация в Мы-общность, генерация универсальных значений и смыслов.

Библиографический список

1. Трут В. П. Войны в истории человечества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 1. С. 10–12. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.1>, EDN: EXWLUV
2. Zefferman M. R., Mathew S. An evolutionary theory of large-scale human warfare: Group-structured cultural selection // *Evolutionary Anthropology*. 2015. Vol. 24, iss. 2. P. 50–61. <https://doi.org/10.1002/evan.21439>, PMID: 25914359
3. Нора П. Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40 – 41). С. 391–402.
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
5. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // *Cultural Memory Studies. Cultural Memories: The Geographical Point of View (Knowledge and Space 4)* / eds. P. Meusbürger, M. Heffernan, E. Wunder. Dordrecht, Berlin, New York : Springer. 2008. P. 15–27. https://doi.org/10.1007/978-90-481-8945-8_2
6. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
7. Емельянова Т. П. Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 47. С. 4. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/465> (дата обращения: 12.03.2025). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.465>, EDN:XXYNQP
8. Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М. : Институт психологии РАН, 2019. 299 с. EDN: XOSHQR
9. Баранова В. А., Донцов А. И. Коллективная память о событиях в России XX века в современном Российском обществе // *Человеческий капитал*. 2017. № 11 (107). С. 76–82. EDN: ZUCZTD
10. Неврюев А. Н., Сариева И. Р. Как узнать, кто и почему (не)одобряет войну? Современные исследования отношения к войне // *Современная зарубежная психология*. 2022. Т. 11, № 1. С. 80–93. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110108>, EDN: CIMCUM
11. Филиппов В. М., Пузанова Ж. В., Ларина Т. И. Сравнительный анализ представлений о Великой Отечественной войне: межпоколенческий срез (Россия, Украина, Беларусь) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 4. С. 117–127. EDN: VBXAQD

12. Рябошлык О. А. Коллективная память о Второй мировой войне в современной России: метод ассоциаций // Гуманитарные науки в XXI веке: научный Интернет-журнал. 2020. № 14. С. 106–119. EDN: GQGPNU
13. Vergès P. L'Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de Psychologie. 1992. Т. XLV, № 405. Р. 203–209. <https://doi.org/10.1590/1413-82712018230403>
14. Ерофеева И. В. Концепт «война» в современном медиатексте: репрезентация традиционных моделей // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 2 (61). С. 72–82. EDN: TQABZD
15. Riches B. Measuring Heroism // Encyclopedia of Heroism Studies / eds. S. T. Allison, J. K. Beggan, G. R. Goethals, R. George. Cham : Springer International Publishing, 2024. Р. 1307–1310. https://doi.org/10.1007/978-3-031-48129-1_322
16. Шевченко О. К., Подлесная М. А. Героизм как философское и социологическое понятие в пространственно-временном измерении // Человек. 2024. Т. 35, № 3. С. 44–62. <https://doi.org/10.31857/S0236200724030036>, EDN: PDLOBG
17. Горелова Т. А., Хлопонина О. О. Культурный концепт «Герой» как ценностный ракурс эпохи // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 3. С. 119–132. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2022.3.10>, EDN: DYHAGW
18. Селезнева М. П. Истинный героизм – духовная составляющая общества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11–2 (38). С. 157–160. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11774>, EDN: ZKSNPK
19. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М. : Эксмо, 2024. 224 с.
20. Фуко М. О Трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Багай и французская мысль середины XX века. СПб. : Мифрил, 1994. С. 116–117.
21. Багай Ж. Внутренний опыт. СПб. : Аксиома, Мифрил, 1997. 336 с.
22. Bartholomees J. B. Theory of Victory // The US Army War College Quarterly: Parameters. 2008. Vol. 38, № 2. Р. 25–36. <https://doi.org/10.55540/0031-1723.2419>
23. Shani M., Kunst J. R., Anjum G., Obaidi M., Leshem O. A., Antonovsky R., van Zalk M., Halperin E. Between victory and peace: Unravelling the paradox of hope in intractable conflicts // British Journal of Social Psychology. 2024. № 63. Р. 1357–1384. <https://doi.org/10.1111/bjso.12722>
24. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в коллеже де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб. : Наука, 2010. 448 с. EDN: WBSBVV
25. Рикель А. М., Федорова Н. В., Бовина И. Б. Между горем и гордостью: визуальные методы для исследования межпоколенческих особенностей эмоциональных переживаний и коллективной памяти о войне // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 4. С. 127–143. <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290408>, EDN: CPVZPC
26. Емельянова Т. П., Мишарина А. В. Ознаменование Победы в Великой Отечественной войне в восприятии различных социальных групп // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 220–229. EDN: TDUYFD
27. Джумайло О. А. Герой своего времени, герой вне времени или герой на все времена – qui pro quo? // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 192–205. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2019-1-192-205>, EDN: IBRHFQ
28. Подлесная М. А., Шевченко О. К., Ильина И. В. Герои и героизм как репрезентации коллективной памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 3. С. 503–524. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-503-524>, EDN: WXMCE
29. Рягузова Е. В. Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 61–68. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68>, EDN: PWIMPM

References

1. Trut V. P. Wars in the history of mankind. *Science journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2021, vol. 26, no. 1, pp. 10–12 (in Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.1>, EDN: EXWLUV
2. Zefferman M. R., Mathew S. An evolutionary theory of large-scale human warfare: Group-structured cultural selection. *Evolutionary Anthropology*, 2015, vol. 24, iss. 2, pp. 50–61. <https://doi.org/10.1002/evan.21439>, PMID: 25914359
3. Nora P. World Celebration of Memory. *Neprikosnovennyy zapas = Emergency Ration*, 2005, no. 2–3 (40–41), pp. 391–402 (in Russian).
4. Khal'bvaks M. *Social Framework of Memory*. Moscow, Novoye izdatel'stvo, 2007. 346 p. (in Russian).
5. Assmann J. Communicative and Cultural Memory. In: Meusburger P., Heffernan M., Wunder E., eds. *Cultural Memory Studies. Cultural Memories: The Geographical Point of View (Knowledge and Space 4)*. Dordrecht, Berlin, New York, Springer, 2008, pp. 15–27. https://doi.org/10.1007/978-90-481-8945-8_2
6. Assmann A. *The Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Politics*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. 323 p. (in Russian).
7. Emelyanova T. P. Collective memory about the Soviet past: Back in the USSR? *Psychological Studies*, 2016, vol. 9, no. 47, pp. 4. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/465> (accessed March 12, 2025) (in Russian). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.465>, EDN: XXYNQP
8. Emelyanova T. P. *Kollektivnaya pamyat' o sobyitiyah otechestvennoy istorii: sotsial'no-psikhologicheskyy podkhod* [Collective memory of the events of national

- history: A socio-psychological approach]. Moscow, Publishing House "Institute of Psychology RAS", 2019. 299 p. (in Russian). EDN: XOSHQR
9. Baranova V. A., Dontsov A. I. Collective memory of the events in Russia of the twentieth century in the modern Russian society. *Human Capital*, 2017, no. 11 (107), pp. 76–82 (in Russian). EDN: ZUCZTD
10. Nevryuev A. N., Sarieva I. R. How to find out who and why (un)approves of war? Modern studies of attitudes to war. *Modern Foreign Psychology*, 2022, vol. 11, no. 1, pp. 80–93 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110108>, EDN: CIMCUM
11. Filippov V. M., Puzanova J. V., Larina T. I. Comparative analysis of perceptions of the Great Patriotic War: Intergenerational cross-section (Russia, Ukraine, Belarus). *RUDN Journal of Political Science*, 2015, no. 4, pp. 117–127 (in Russian). EDN: VBXAQD
12. Ryaboshlyk O. A. Collective memory of the Second World War in modern Russia: The method of associations. *Humanities in the XXI Century: Scientific Internet Journal*, 2020, no. 14, pp. 106–119 (in Russian). EDN: GQGPVU
13. Vergès P. L'Évocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation. *Bulletin de Psychologie*, 1992, vol. XLV, no. 405, pp. 203–209 (in French). <https://doi.org/10.1590/1413-82712018230403>
14. Erofeeva I. V. Concept "war" in the modern media text: representation of traditional models. *Uchenye Zapiski Zabaikalskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Scholarly Notes of Transbaikal State University*, 2015, no. 2 (61), pp. 72–82 (in Russian). EDN: TQABZD
15. Riches B. Measuring Heroism. In: Allison S. T., Beggan J. K., Goethals G. R., George R., eds. *Encyclopedia of Heroism Studies*. Cham, Springer International Publishing, 2024, pp. 1307–1310. https://doi.org/10.1007/978-3-031-48129-1_322
16. Shevchenko O. K., Podlesnaya M. A. Heroism as a philosophical and sociological concept in spatial and temporal dimension. *Man*, 2024, vol. 35, no. 3, pp. 44–62 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S0236200724030036>, EDN: PDLOBG
17. Gorelova T. A., Khloponina O. O. Cultural concept "Hero" as a value perspective of the epoch. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2022, no. 3, pp. 119–132 (in Russian). <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2022.3.10>, EDN: DYHAGW
18. Selezneva M. P. True heroism – a spiritual component of society. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2019, no. 11–2 (38), pp. 157–160 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11774>, EDN: ZKSNPK
19. Freud Z. *Totem and taboo. Psychology of Primitive Culture and Religion*. Moscow, Eksmo, 2024. 224 p. (in Russian).
20. Foucault M. *O transgressii*. In: *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Bataj i francuzskaya mysl' serediny XX veka* [On Transgression. The Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of the Mid-20th Century]. St. Petersburg, Mifril, 1994, pp. 116–117 (in Russian).
21. Bataille J. *Vnutrenniy opyt* [Inner Experience]. St. Petersburg, Aksioma, Mifril, 1997. 336 p. (in Russian).
22. Bartholomees J. B. Theory of Victory. *The US Army War College Quarterly: Parameters*, 2008, vol. 38, no. 2, pp. 25–36. <https://doi.org/10.55540/0031-1723.2419>
23. Shani M., Kunst J. R., Anjum G., Obaidi M., Leshem O. A., Antonovsky R., van Zalk, M., Halperin E. Between Victory and Peace: Unravelling the Paradox of Hope in Intractable Conflicts. *British Journal of Social Psychology*, 2024, no. 63, pp. 1357–1384. <https://doi.org/10.1111/bjso.12722>
24. Foucault M. *Rozhdeniye biopolitiki. Kurs lektsiy, prochtannykh v kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu. Per. s fr. A. V. D'yakova* [The Birth of Biopolitics. A course of lectures delivered at the Collège de France in the academic year 1978–1979. Trans. from French by A. V. Dyakov]. St. Petersburg, Nauka, 2010. 448 p. (in Russian).
25. Rikel A. M., Fedorova N. V., Bovina I. B. Between grief and pride: Visual methods for the study of intergenerational features of emotional experiences and collective memory of the war. *Counselling Psychology and Psychotherapy*, 2021, vol. 29, no. 4, pp. 127–143 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290408>, EDN: CPVZPC
26. Emelyanova T. P., Misharina A. V. Commemoration of the Victory in the Great Patriotic War in the perception of different social groups. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2014, no. 4, pp. 220–229 (in Russian). EDN: TDUYFD
27. Dzhumaylo O. A. A hero of his time, a hero out of time or a hero for all time – qui pro quo? *The New Past*, 2019, no. 1, pp. 192–205 (in Russian). <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2019-1-192-205>, EDN: IBRHFQ
28. Podlesnaya M. A., Shevchenko O. K., Ilyina I. V. Heroes and heroism as representations of collective memory. *RUDN Journal of Sociology*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 503–524 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-503-524>, EDN: WXMCE
29. Ryaguzova E. V. Memory of the Other or the other memory: The social-psychological analysis of commemorative practices. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 61–68 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68>, EDN: PWIMPM

Поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 11.05.2025; принята к публикации 17.06.2025
The article was submitted 07.04.2025; approved after reviewing 11.05.2025; accepted for publication 17.06.2025